

Принципы репликации культурной информации *

С. Г. Проскурин

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. В работе постулируется изоморфизм в генетической и семиотической программах. Так, информационные изменения в текстах распадаются на два потока: цитирование и адаптирование (мутация) формул. Из всех возможных принципов репликации культурной информации нами регистрируется четыре типа (А, Б, В, Г), которые составляют предельную программу формульных трансформаций. Коммуникативное расширение формул рождает синтагмы с вроде бы избыточными смыслами. Подобная избыточность трактуется нами как уместная, поскольку она способствует репликации лингвистической информации. Синтагматика и парадигматика отвечают за коммуникацию и передачу информационных программ или за их трансфер. Например, в результате подобного трансфера возникает этноним Русь.

Ключевые слова: формулы, семиотика, синтагматика, парадигматика, мутация, репликация.

УДК 003

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Контактная информация: Проскурин Сергей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии факультета иностранных языков НГУ, профессор кафедры международного права НГУ, профессор кафедры иностранных языков гуманитарного образования НГТУ (ул. Пирогова 2, Новосибирск, 630090; пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073, s.proskurin@mail.ru)

Как известно, жизнь основана на размножении репликаторов определенного типа – полинуклеотидов РНК и ДНК. Но это далеко не единственный тип репликаторов, существующий в природе. В культурной эволюции важную роль играют мемы – единицы культурной информации, которые используют наш разум для собственного выживания и размножения как гены используют клетку [Марков, Наймарк, 2014, с. 28]. Мемом называется такая цепочка языковых единиц, которая обретает способность к репликации, т. е. к передаче. Такая способность возникла благодаря представившейся возможности распознаваться в качестве некоторого целого, которое обладает важным свойством восстанавливаться вслед за господствующим компонентом. Этим целям служит коммуникативное расширение формул. Учитывая предполагаемый изоморфизм генетического и семиотического кодов (см.: [Гамкрелидзе, 1988]), нами определяется ключевое условие коммуникативного расширения формул – четыре типовые мутации культурной информации. В свое время мы определили три типовые конструкции, объясняющие содержательные трансформации:

А) переосмысление конвенциональных формул, т. е. тип «одна формула – два смысла», ср.: *ne... middangeardes men mundgripe maran* (В., 751–753) – «Нет в среднем мире... людей с хваткой руки сильней» (о культурном герое англосаксов Беовульфе); *ne maerra man geond middangeard* (Мен., 161) – «Нет славней человека в среднем мире» (об Иисусе Христе) (микромотив «человек в среднем мире»);

Б) лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры, т. е. сохранение означаемого (и связанного с ним культурного нексуса) при обновлении означающего, ср.: *middangeard beofað* – «средний мир дрожит», *beofað ealle beorhte gesceaft* – «дрожит все яркое творение» (микромотив «конец мира»);

В) порождение новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам, ср.: *weorold wendeð* – «мир вращается (по кругу)»; *weorold gewiteð* – «мир уходит» (микромотив «движущийся мир») (см.: [Проскурин, 1990]).

В проведенном А. В. Проскуриной исследовании «Англосаксонских хроник» определен также и четвертый тип трансформации формул и клише – «тип Г», который представляет собой описание с заменой лексемы

в контексте формулы с одним и тем же предикатом. В чем-то он напоминает «тип Б», но нексус (т. е. закрепленный культурный смысл) не сохраняется, а сама формула обозначает разные явления в рамках одной темы.

Г) «*Her sunne aþiestrode*» «Здесь солнце померкло»; «*Her se mona aðistrode*» «Здесь луна померкла» (см.: [Проскурин, Проскурина, 2014a]).

Как показал анализ, «тип А» в древнеанглийской традиции, а именно в «Англосаксонских хрониках» не представлен, вероятно, он редко встречается в рамках одного жанра. Несомненно, «тип А» присутствует в самой традиции (см. ниже), но для этого нужно тестировать формулы «Англосаксонских хроник» на базе других жанров, и тогда, возможно, формулы, присутствующие в «Англосаксонских хрониках», могут реадаптироваться [Проскурин, Проскурина, 2014 (г), с. 77].

«Так, “тип А” представлен в адаптированных к иным жанрам библейских формулах. Когда формула начинает употребляться в контекстах разных жанров, она часто переосмысливается и начинает иметь вид “одна формула – два смысла”. Ср.: “Land of Nod: And Cain went out from the presence of the Lord, and dwelt in the land of Nod, on the east of Eden” (Gen. 4:16) – “И пошел Каин от лица Господа и поселился в земле Нод, на востоке от Едема”. В ином текстовом пространстве эта формула используется в значении “время сна”. Согласно Oxford English Dictionary, первое употребление этой формулы в таком значении восходит к 1738 г. Именно тогда был создан диалог Джонатана Свифта, известный под именем “Вежливый разговор Свифта” (Swift’s Polite Conversation) [Crystal, 2010, p. 32]. На самой последней странице этого сочинения, когда описываемая в нем вечеринка подходит к концу, леди Ансвералл говорит: “Время для честного народа идти спать”, и полковник Атвит отвечает: “I’am going to the Land of Nod” – “Я собираюсь в страну сна”. Шаг от библейской формулы “страна Нод” к идиоматическому обороту “страна сна” происходит благодаря семантическому сдвигу в значении *nod* “кивок головы” > “сон”. Но такие преобразования в хрониках не фиксируются» [Проскурин, Проскурина, 2014 (г), с. 77].

Иногда мутации протекают по фиксируемым алгоритмам с различными осложнениями. Так, «тип А» мутаций взаимодействует в развитии формулы с «типами Б и В». Известна библейская ветхозаветная формула *be fruitful and multiply* (Gen 1:22) «плодитесь и размножайтесь». Дэвид Кристалл описывает трансформацию по «типу А» (одна формула – два смысла): когда эта формула используется по отношению увеличения поддержки новой поп-группы со стороны поклонников: *be fruitful and multiply (your fanbase)* [Crystall, 2010, p. 22]. Далее, адаптация формулы протекает по линии синонимизации концептов по «типу Б»: *be fruitful and replenish the earth* «плодитесь и вновь наполняйтесь» (по линии увеличения биоразнообразия), а также *be fruitful and replicate* «плодитесь и реплицируйтесь» (о развитии физиологии растений). Сами адаптированные формы служат

фоном для появления инновационных выражений, возникающих по «типу В». Так, Д. Кристалл описывает мутацию в предложении о пасторе, который скрывает глубокий секрет: *be fruitful and multi-lie*. Безусловно, новая сентенция опирается на базовую формулу и при этом рождает инновационный смысл с игрой слов «плодитесь и много лгите».

В репликации информации мы видим, что второй тип репликации и адаптирования формул присутствует в различных версиях Библии. Под вторым типом понимаются лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры. Этот тип широко используется в многовариантных переводах библейского текста на английский язык. Так, библейская формула в Библии Короля Якова *Let there be light* в версии перевода Раймс – Дуэй звучит как синонимичная мутация: *be light made*. Обычно «тип Б» легко устанавливать в разных библейских переводах, когда формула переосмысливается в синонимичной фразе.

Третий тип адаптации библейских формул – «тип В» – связан с порождением новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архетипическим формулам. Такими адаптациями изобилуют производные тексты, созданные на базе библейских формул. Например, выражения-переосмысления *let there be flight* связаны с описаниями задержки рейсов гражданской авиации и устанавливается как инновация на фоне библейской формулы *Let there be light* «Да будет свет».

Четвертый тип адаптации формул, «тип Г», является показательным, поскольку замыкает число мутаций числительным четыре. Такой тип мутации регистрируется в «Англосаксонских хрониках», но в переводах Библии практически не встречается (см.: [Проскурин, Проскурина, 2014a]).

От адаптированных формул, связанных с мутациями информации, необходимо отличать цитирование библейского источника. «Вот, например, цитирование библейского источника: Matthew 5:14 *Ye are the light of the world. “Вы – свет мира”*. В библейской традиции Англии такое употребление называется “заученной цитатой” (a learned quotation) [Crystal, 2010, p. 79]. Цитирование не изменяет референционный план высказывания, и в тексте говорится о том же, что и в Библии» [Проскурин, 2014, с. 18]. Адаптация отличается от цитирования наличием мутации. Так, отмеченный сегмент текста выступает уже как формула (по «типу В») в названии одного из полотен, изображающих Христа. Речь идет о картине Париса Бордона «*Christ as the Light of the world*». В сегменте меняется референционная программа по сравнению с цитированием первоисточника и появляется формульность.

Почему же устанавливается ограничительное (по числу) количество возможных типов репликации формул? Не связано ли адаптирование формул с изоморфизмом генетического и лингвистического кодов? Не копи-

рует ли лингвистический код, используемый при адаптации формул, структурные принципы генетического кода?

Поскольку генетический код восходит к четырем исходным элементам по три триплеты, которые и создают генетический словарь, состоящий из 64 слов, то мы в какой-то степени воспроизводим в репликации информации эти показатели. Принципиальным для нас является открытие четырех типов адаптации, представляющих собой как бы четыре исходных химических радикала. Постулируется ли таким образом копирование молекулярных типов и их воспроизведение культурами?

В свое время Т. В. Гамкрелидзе обратил внимание на явление изоморфизма лингвистического и генетического кодов, опираясь на концепцию Н. Я. Марра. Он писал: «Так, например, Н. Я. Марр сводит исторически возникшее многообразие языков к четырем (sic!) исходным элементам, состоящим, как это ни странно, из своеобразных «троек» – бессмысленных последовательностей – сал, бер, ион, рош. Любой текст произвольной длины на любом языке мира есть, в конечном счете, результат фонетического преобразования этих исходных четырех, самих по себе не значащих элементов, скомбинированных в определенной последовательности. Этим, по мнению Н. Я. Марра, и определяется единство глоттогонического процесса» [Гамкрелидзе, 1988, с. 7]. Любопытно, что к подобным четырем триплетам в своих рассуждениях, касающихся еврейской тетраграммы бога, приходит Р. Генон: «...мы желаем этим сказать, что для того, чтобы символическое соответствие было точным, произношение тетраграммы должно быть трехслоговым; поскольку, с другой стороны, это слово записывается в четырех буквах, то можно сказать, что 4 соотносится здесь с “субстанциональным” аспектом слова (в той мере, в какой оно пишется или читается в соответствии с записью, играющей роль телесной “опоры”), а 3 – с его “сущностным” аспектом (поскольку оно в целом произносится голосом, который один только и придает ему “дух” и “жизнь”). Отсюда следует, что, хотя ее ни в коей мере нельзя рассматривать как истинное произнесение Имени, которое никому неизвестно, форма Jehovah в силу того, что она состоит из трех слогов, по меньшей мере, представляет это Имя гораздо лучше (и полагать это могла бы заставить уже сама его древность в виде приблизительной транскрипции в западных языках), чем чисто произвольная форма Yahveh, изобретенная экзегетиками и современными критиками, которая, имея лишь два слога, очевидно непригодна для такой ритуальной передачи, о которой идет речь» [Генон, 2013, с. 44–45].

Подобные аналитические заключения о четырех триплетах исторически предшествовали открытию генетического «словаря», поскольку работы и Марра и Генона писались в тридцатые годы. Механизм наследственности, открытый в пятидесятые годы, придает определенный вес более ранним догадкам об устройстве текстового символа. В открытии механизма мутации информационных мемов на материале исторических текстов

значима также связь с более ранними представлениями. Так, имеет значение система с четырьмя элементами мира в космогонии ионийцев, с четырьмя жидкостями человеческого тела у Гиппократов, четыре Евангелия Библии и т. д.

Нам необходимо принять к сведению заключение о наличии некоторой общности или аналогичной структурированности различных информационных систем при аналогичных функциях. «Согласно нашей гипотезе, формулы в поэтике индоевропейской культуре обладают двумя ключевыми чертами в синтагматике и парадигматике. В синтагматике формулы предстают как освоенные культурой способы коммуникации, опирающиеся на кажущуюся избыточность информации и поддерживающие ее контекст. Согласно Дж. Ф. Карингтону, исследовавшему трансформацию устной речи в языке африканских барабанов, барабанщик всегда добавляет “небольшое выражение” к каждому короткому слову. *Songe*, “луна”, передается как *songe li tange la manga* – “луна, смотрящая вниз на землю”. *Koko*, “курица”, как *koko olonga la bakiokio* “курица, которая говорит *ко-ко*”. Оказалось, что дополнительные удары барабана – это не избыточная информация, они обеспечивают контекст. Каждое выстукиваемое слово неоднозначно, оно обладает множеством смысловых вариантов, но с появлением контекста неуместные интерпретации исчезают» [Глик, 2013, с. 34]. Далее отмечается, что выражения в языке африканских барабанов напоминают формулы Гомера: «не просто Зевс, но Зевс-громовержец, не просто море, но винноцветное море» [Там же]. И, добавим мы, формулы обретают способность распознаваться и служить «опорой» для передачи. Иными словами, лексические единицы не способны восстанавливаться в речевой диахронии без контекста определенной длины.

Формульность изначально связана с коммуникативными установками устной культуры, поскольку сама формула получает коммуникативное расширение, в частности за счет этого снимается ее многозначность и не только. Об этом свидетельствует видимая избыточность квалификативных индоевропейских формул, которые имеют литотную и нелитотную структуры. Литотные формулы – аргумент + отрицаемый контраргумент (*Aussage plus negierte Gegenaussage*) – своим существованием свидетельствуют о том, что фактор передачи информации в поколениях опирается на сегменты, которые совсем не оправданы с точки зрения семантической выраженности.

Как объяснить, например, следующую избыточность?

Girt and not ungirt (Avestan *aīβīiāsta nōiṭ anaīβīiāsta*) «опоясанный и не опоясанный».

True and not false (Old. Pers. *Hašiyam naiy duruxtam*) «истинный и ложный».

Achaean women, not men (Greek Ἀχαιῶδες, οὐκέτ' Ἀχαιοί) «Ахейские женщины, не мужчины».

Нелитотная формула с синонимической структурой “аргумент + синонимический аргумент”:

Safe and sound (English and L. *sane sartheque*) «здоровый и крепкий»;

Whole and roofed (Latin *sarcta tecta*) «целый и невредимый»;

Prayers and incantations (Greek *ἱτάς τ' ἐπαοιδάς*) «молитвы и заклинания»¹.

«Коммуникативное расширение формулы за счет избыточной информации обеспечивает распознавание формулы в диахронии и ее передачу в текстах. Иными словами, кажущаяся избыточность поэтической формулы является закономерным следствием ее возможной устной природы, поскольку последняя часто опирается на речевой контекст, который и обеспечивает передачу.

В теории информации идут поиски определения, что такое мем и каково его значение в качестве параллели гена в природе. Нам представляется, что формульная теория может дать материал для определения мема.

Мемом называется такая цепочка языковых единиц, которая обретает способность к репликации, т. е. к передаче. Такая способность возникла благодаря представившейся возможности распознаваться в качестве некоторого целого, которое обладает важным свойством восстанавливаться вслед за господствующим компонентом. В развитие теории формулы Пэрри и Лорда мы приведем одно важное положение о воспроизведении текста в устном исполнении» [Проскурин, Проскурина, 2014б, с. 234–235]. Говоря о коммуникативном расширении формулы, процитируем описание развертывания речевой цепи, сделанное в свое время А. А. Потебней. Он проводил «аналогию между организацией алфавитного ряда, речевой цепью молитвы и образом предмета. Если несколько раз был дан ряд признаков одного образа в порядке *a, b, c, d, e* и вслед за тем еще раз получится признак *a*, то он легко вызовет в сознании все следующие за ним; но если упомянутый ряд начнется с конца, то признак *e* сам по себе или вовсе не произведет признаков *d, c* и проч., или гораздо медленнее. Слова “Отче наш” напомним нам всю молитву, но слово “лукавого” не заставит нас воспроизвести ее наизусть (“от нас”, “избави” и проч.), точно так, как признак *e* не даст нам целого образа *a, b, c, d, e*. Хотя *e* могло повторяться столько же раз, сколько и *a*, но это последнее, по своему влиянию на все остальное будто господствует над всем образом» [Потебня, 1989, с. 130]. Устные по своему происхождению формулы имеют господствующие знаки, которые способствуют их коммуникативному расширению, протекающему относительно базового или господствующего слова.

«Иногда коммуникативное расширение порождает способность формулы распознаваться как целое и передаваться во времени как мем. Приве-

¹ Формулы, за исключением перевода на русский язык, приводятся по: [Watkins, 1987, р. 44].

дем интересный пример. В древнеримской традиции палиндром “*Sator...*” был известен задолго до того, как появилось христианство:

SATOR
AREPO
TENET
OPERA
ROTAS

С обретением молитвы Pater Noster палиндром начинает реинтерпретироваться в качестве анаграммы начальных слов молитвы. Эту способность к передаче информации обеспечивает мем, который обретает способность распознаваться в наборе букв палиндрома как некоторая последовательность. Слова молитвы Pater Noster распознаются как текст. В современной английской традиции это буквосочетание мутирует в форму сакрального высказывания с срединным компонентом в форме креста, имеющего значение “догмат” (англ. *tenet*)» [Проскурин, Проскурина, 2014б, с. 235].

Обратимся теперь к коммуникативному расширению самой первой из открытых индоевропейских поэтических формул «слава нетленная (непогибающая)». Согласно нашему сценарию, развитие формулы в индоевропейской поэтике проходит три стадии. На первой стадии происходит коммуникативное расширение формулы, благодаря чему она получает «господствующие образы» др.-греч. *kleos* и др.-инд. *sravah* – «слава», к которым подставляются эпитеты «нетленный», «непогибающий» *afiton*, *aksiton*. На второй стадии происходит устойчивое распознавание данной формулы в качестве «опоры» в устном повествовании или записи. Как мы уже подчеркивали, чтобы распознаваться в качестве опоры, нужен расширенный контекст. На третьей стадии формула передается в текстах, транслируемых в поколениях.

Таким образом, коммуникативные сообщения связаны с развертыванием контекста в синтагматике. Однако передача информации во времени опирается на парадигматику, характерную для традиционных культур. М. Элиаде демонстрирует это на египетском материале «В самом деле, космогония повторяется каждое утро, когда солярный бог “отворачивает” змея Апопа, не имея, однако, возможности уничтожить его <...>. Политическая деятельность фараона воспроизводит подвиг Ра: он (фараон) также “отворачивает” Апопа, иными словами, следит за тем, чтобы мир не был ввергнут снова в состояние хаоса. Когда на границах появляются враги, они уподобляются Апопу, и победа фараона воспроизводит триумф Ра». М. Элиаде подчеркивает, что эта тенденция переводить жизнь и историю в термины категорий и парадигматических образов характерна для традиционных культур [2008, с. 118]. Сюжетная линия Ра – змей Апоп трансформируется в отношении *фараон – враги*. Передача информации в диахронии опирается также на парадигматику элементов. О значении

парадигматики в передаче информации в свое время писал М. Мюллер: «Например, Аполлон влюбился в Дафну, Дафна убежала от Аполлона и превратилась в лавровое дерево. Эта легенда бессмысленна, если не знать, что Аполлон был первоначально соляным божеством, а слово “Дафна” (греческое название лавра, или, точнее, соответствующего дерева) было первоначально обозначением зари. Это дает нам первоначальный смысл мифа: солнце преследует убегающую зарю» (цит. по: [Эванс-Притчард, 2004, с. 28]).

Лингвокультурный трансфер формул в диахронии связан с парадигматическими отношениями, обозначенными нами как передача. Так, нами отмечается передача информации в поколениях по линии парадигматики: имя собственное – этноним. Некоторые исследователи объясняли тотемизм теорией, «которая постулировала, что он произошел из практики названия индивидов, по той или иной причине именами животных, растений и неодушевленных объектов <...> этими именами затем назывались семьи людей, первоначально получивших их, затем – их потомки» [Эванс-Притчард, 2004, с. 102–103]. Подобный трансфер мы наблюдаем в циклах именования древнегерманской традиции. Имена народов аллитерировали с именами германских прародителей. Об этом свидетельствует прототекст тулы, представленной у К. Тацита («О происхождении германцев и местоположении Германии»). «Текст К. Тацита позволяет реконструировать германский “прототекст” (“протостих”) в форме тулы: “*Ingui: *Ermin Teuz: Istwas*” с учетом германского аллитерационного принципа стихосложения и особенностей жанра. Тацит пересказывает основные части этногенетического мифа германских народов: “Они прославляют в старинных песнях, которые представляют у них единственный род предания и летописей, бога Туистона, рожденного землей, его сына Манна, происхождение народа и родоначальников. Манну они приписывают трех сыновей, по имени которых ближайшие к океану зовутся ингвеонами (*Inguaeones*), средние эрминонами (*Herminones*), остальные иствеонами (*Istaeuones*)”» [Степанов, Проскурин, 1993, с. 130]. Имена собственные и наименования этносов соотносились. Как пишет далее Тацит, «<...> поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большее число наименований народов, каковы марсы, гамбрии, свебы, вандилии, и что эти имена подлинны и древние» [Тацит, 2010, с. 446].

Заметим, что сменяемость королей в англосаксонский период также напоминает композицию этой реконструированной тулы по линии имя собственное – этноним. Как отмечает А. В. Проскурина, «если проследить генеалогию древнегерманских правителей, то можно обнаружить, что, как правило, они именовались именно по принципу аллитерационной рифмы. Возможно, что выбор имени напрямую зависел от начальной буквы имени предка. Так, в генеалогии королей Кента доминируют имена, начинаю-

щиеся на *W* и *E*. Для сравнения: в генеалогии королей Мерсии – преимущественно на *C*; а в генеалогии королей Восточного Саксонского Королевства имена начинаются в основном на *S*. Имена правителей Восточных Англов аллитерируют чаще всего на *A*, Линдисфарна – на *E* и *B*; Королевства Нортумбрии – на *A*, а Королевства Уэссекса – на *C* и *A*. Имена королей Уэссекса, Восточного Саксонского Королевства и Восточной Англии коррелируют с названием племени англов, которые преимущественно проживали в этих королевствах. Историческая память тул хранит не только отношения имен собственных, но и более глубинные принципы отношений. Имена, приведенные в генеалогии Англосаксонских королей, отличаются дифференциальным признаком, поскольку каждое королевство маркировано определенным начальным звуком. Также повтор однородных согласных и гласных коррелирует с этнонимами. В качестве примера представим генеалогию королей Восточного Саксонского Королевства (генеалогия представлена по: [Stevenson, 1853, p. 384–391]):

Seaxnete, Swaepa, Sigefugel, Sledda, Saerberht, Saexraed, Saexn, Sigeferth, Seferth, Sigebald, Swithelm, Saebbi, Sighere, Sigheard, Saelread, Swithhaed, Sigeric, Sigeraed

Ēast Seaxna Rīce (The Kingdom of Essex or Kingdom of the East Saxons) [Проскурина, 2013, с. 93].

До появления алфавитов действовали формы культурной памяти – идентичность индивидуума была соразмерна идентичности этноса. Не исключено, что потребность в кодификации через звукопись являлась предшественницей появления алфавитов, поскольку семиотика звукописи – предварительный этап поиска экономии речи [Проскурин, 2013, с. 204–205]. Так, у англосаксонского нобилета, носившего кельтские имена, имена собственные были созвучны с этнонимом *Cymro* (валиец): Caedwalla, Caedda, Cedda, Ceawlin, Cerdic, Cumbra [Crystal, 2004, p. 32] (см. [Проскурин, Проскурина, 2014в, с. 165–166]). В науке давно ощущается связь имен собственных и эпонимов. К. Леви-Стросс в свое время отмечал, «что <...> индивидуальные названия зависят от той же системы, что и коллективные названия, прежде нами изученные, и что посредством них можно перейти с помощью преобразований от горизонта индивидуации к горизонту наиболее общих категорий. Действительно, каждый клан или субклан обладает определенным количеством имен, носить которые предоставлено его членам, и раз индивид – часть группы, то индивидуальное имя – это часть коллективного названия» [2008, с. 361]. В любом случае, парадигматический перенос фонетических маркеров в именах англосаксонского нобилета в диахронии коррелирует с названиями коллективов. Такой вид взаи-

модействия примыкает к традиционному виду связи *имя собственное – тотем*.

Вероятно также, что скандинавские корни корреляции имен *Rhos – Рюрик* могли послужить тем фактором, который повлиял на выбор этнонима *Русь*. С современной точки зрения, как пишет академик Ю. С. Степанов, нет, однако, никакой необходимости рассматривать это имя восточных славян как данное им германцами. Скорее всего, семиотическая параллель германского имени *Рюрик* и этнонима *Rhos*, т. е. племени из числа шведов, послужили в качестве фактора, повлиявшего на выбор термина *Русь*, который изначально связывался с Северным новгородским центром: «он продвигался на Юг и закрепился в южном Киевском центре, постепенно превращаясь в этнический термин для обозначения всего населения этой земли и государственный термин [Степанов, 2004, с. 152]. В качестве реликта германского семиотического правила «имя собственное и название племени» на Руси сохраняется корреляция названия династии Рюриковичей с названием самого государства.

Речь идет об исторической пропорции *Rhos – Rurick*, на смену которой приходит аллитерирующая парадигматика *Rus – Rurick*.

Итак, формы репликации информации в языке, с одной стороны, связаны с типами мутации адаптированных формул, а с другой – с коммуникативным расширением формул в синтагматике и передаче информации в парадигматике.

Список литературы

Гамкрелидзе Т. В. Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5–7.

Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток. М.: АСТ: CORPUS, 2013.

Генон Р. Наука букв. СПб.: Владимир Даль, 2013.

Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль М.: Академический проект, 2008.

Марков А., Наймарк Е. Классические идеи в свете новых открытий. М.: АСТ: CORPUS, 2014.

Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.

Проскурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Проскурин С. Г. Курс семиотики. Язык, культура, право. Новосибирск, 2013.

Проскурин С. Г. К вопросу перевода Библии на народные языки Европы: английская традиция = To the question of Bible translation into the peoples' languages of Europe: English tradition // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 247–253.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Репликация мемов в культуре (на материале «Англосаксонских Хроник» и Англосаксонской традиции) // Современное терминоведение в Сибири. Язык. Право. Образование: Материалы VII Регион. науч.-практ. конф. 2014а. С. 6–10.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Коммуникативное расширение формул в поэтике индоевропейской культуры как условие ее распознавания в контексте и передачи в диахронии // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. Барнаул, 2014б. С. 233–238.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Жанр тулы в аспекте передачи информации (на материале рукописей «Англосаксонской хроники» и древнеанглийской поэмы «Видсид») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014в. № 7 (37). С. 164–167.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Сущность и принципы репликации культурной информации // Язык: мультидисциплинарность научного знания: Научный альманах / Под ред. О. В. Труновой. Барнаул: АлтГПА, 2014г. Вып. 5. С. 75–79.

Проскурина А. В. Жанр тулы как способ передачи семантической информации во времени и пространстве (на материале «Англосаксонских хроник») // Критика и семиотика. 2013. № 2/19. С. 85–94.

Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М.: Наука, 1993.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

Тацит К. Анналы. Малые произведения: Сб. / Пер. с лат. А. С. Бобовича; под ред. Я. М. Боровского, М. Е. Сергеенко. М.: АСТ; Астрель, 2010. 505 с.

Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии: Пер. с англ. М.: ОГИ, 2004.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий: Пер. с фр. М.: Академический проект, 2008.

Crystal D. The Stories of English. L.: Penguin Books, 2004.

Crystal D. Begat the King James Bible and the English language. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Stevenson J. The Anglo-Saxon Chronicle. The Chronicle of Florence of Worcester, with a Continuation and Appendix. Book Renaissance (Reprint Beelegs. Pleet Street and Hanover Street. MDCCCLIII), 1853.

Watkins C. Linguistic and archeological light on some Homeric formulas // Proto-Indo-European: The archeology of linguistic problem studies in honour of Maria Gimbutas / Eds. S. N. Scomal, E. C. Polome. Washington, 1987.

Article metadata

Title: Principles of replication of cultural data

Author: S. G. Proskurin

Author's e-mail: s.proskurin@mail.ru

Author affiliation: Novosibirsk State University, Novosibirsk State Technical University

Abstract: Isomorphism is a phenomenon, which is attributed to genetic and semiotic programs. Thus the informational changes in the texts occur in two flows, which are quoting and adaptation. The principles of replication of cultural information are registered as follows: type A, type B, type B, type Γ, which establish a limited program of formulaic transformations. The communicative extension of formulae brings about syntagms with seemingly excessive encoding. Such redundancy is treated as relevant, because it enables replication of linguistic information. Syntagmatics and paradigmatics are resultant of communication and transference of information. As a result of such transference the ethnonym Русь emerged.

Key terms: formulae, semiotics, syntagmatics, paradigmatics, mutation, replication.

Reference literature (in transliteration):

Gamkrelidze T. V. R. O. Jakobson i problema izomorfizma mezhdu genetičeskim kodom i semiotičeskimi sistemami // Voprosy jazykoznanija. 1988. № 3. S. 5–7.

Gleick J. Informacija. Istorija. Teorija. Potok. M.: AST: CORPUS, 2013.

Guéron R. Nauka bukv. SPb.: Vladimir Dal', 2013.

Lévi-Strauss C. Totemizm segodnja. Nepriruchennaja mysl' M.: Akademicheskij proekt, 2008.

Markov A., Najmark E. Klassičeskie idei v svete novyh otkrytij. M.: AST: SORPUS, 2014.

Potebnja A. A. Mysl' i jazyk // Potebnja A. A. Slovo i mif. M.: Pravda, 1989.

Proskurin S. G. Drevneanglijskaja prostranstvennaja leksika konceptualizirovannyh oblastej: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 1990.

Proskurin S. G. Kurs semiotiki. Jazyk, kul'tura, pravo. Novosibirsk, 2013.

Proskurin S. G. To the question of Bible translation into the peoples' languages of Europe: English tradition // Kritika and semiotika. 2014. № 2. C. 247–253.

Proskurin S. G., Proskurina A. V. Replikacija memov v kul'ture (na materiale «Anglosaksonskih Hronik» i Anglosaksonskoj tradicii) // Sovremennoe

terminovedenie v Sibiri. Jazyk. Pravo. Obrazovanie: Materialy VII Region. nauch.-prakt. konf. 2014a. S. 6–10.

Proskurin S. G., Proskurina A. V. Kommunikativnoe rasshirenie formul v pojetike indoevropskoj kul'tury kak uslovie ee raspoznavanija v kontekste i peredachi v diahronii // Funkcional'no-kognitivnyj analiz jazykovyh edinic i ego aplikativnyj potencial. Barnaul, 2014b. S. 233–238.

Proskurin S. G., Proskurina A. V. Zhanr tuly v aspekte peredachi in-formacii (na materiale rukopisej «Anglosaksonskoj hroniki» i drevne-anglijskoj pojemy «Vidsid» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014v. № 7 (37). S. 164–167.

Proskurin S. G., Proskurina A. V. Suschnost' i printsipy replikatsii kulturnoi informatsii // Yazyk: multidistsiplinarnost' nauchnogo znaniya: nauchnyi almanac / pod red. O. V. Trunovoi. Vypusk 5. Barnaul: AltGPA, 2014g. 77–79.

Proskurina A. V. Zhanr tuly kak sposob peredachi semanticheskoi informacii vo vremeni i prostranstve (na materiale «Anglosaksonskih hronik») // Kritika i semiotika. 2013. № 2/19. S. 85–94.

Stepanov, Ju. S., Proskurin S. G. Konstanty mirovoj kul'tury. Alfavitny i alfavitnye teksty v period dvoeverija. M.: Nauka, 1993.

Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. 3-e Izd., ispr. i dop. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 992 s.

Evans-Pritchard E. Teorii primitivnoj religii: Per. s angl. M.: OGI, 2004.

Eliade M. Istorija very i religioznyh idej: ot kamennogo veka do jelevsinskih misterij: Per. s fr. M.: Akademicheskij proekt, 2008.

Crystal D. The Stories of English. L.: Penguin Books, 2004.

Crystal D. Begat the King James Bible and the English language. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Stevenson J. The Anglo-Saxon Chronicle. The Chronicle of Florence of Worcester, with a Continuation and Appendix. Book Renaissance (Reprint Beelegs. Pleet Street and Hanover Street. MDCCCLIII), 1853.

Tatsit K. Annaly. Malye proizvedeniya: sb. / per. s lat. A.S. Bobovich; pod red. Ya. M. Borovskogo i M.E. Sergeenko. M.: AST; Astrel', 2010. 505 s.

Watkins C. Linguistic and archeological light on some Homeric formulas // Proto-Indo-European: The archeology of linguistic problem studies in honour of Maria Gimbutas / Eds. S. N. Scomal, E. C. Polome. Washington, 1987.